

МНОГОДЕТНАЯ СЕМЬЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. К. Ростовская^а, О. В. Кучмаева^а, Е. Н. Васильева^а

^а Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ:

Введение. В рамках научных дискуссий о реализации второго демографического перехода исследуются специфические черты изменения структуры семей в разных странах, в разных социальных группах. В современной России необходимо осуществлять постоянный мониторинг демографической ситуации. Представляют научный интерес ответы на вопросы: как изменилась структура семей в России; какая мотивация является основой воспроизводства структуры многодетности в разные периоды демографических переходов? В статье представлен анализ эмпирических данных, позволяющий выявить тенденции трансформации структуры российской семьи; охарактеризовать мотивы репродуктивного поведения в многодетных семьях, определить, какие условия и ресурсы необходимы в многодетных семьях для формирования или поддержания благополучия.

Материалы и методы. Информационной базой выступили данные всероссийских переписей населения за 2002, 2010 и 2020 годы; результаты авторского исследования – глубинное интервью с родителями из многодетной семьи в ходе Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие регионов России», 2021 год.

Результаты. Выявлены изменения в структуре российских семей в сторону увеличения доли многодетных семей под влиянием мер демографической политики, закрепление данной тенденции требует реализации целевых мер поддержки института многодетной семьи, которая, по мнению авторов, должна соотноситься с идеальной моделью «благополучная семья».

Обсуждение. Важным представляется развитие стратегии демографической политики с учетом тенденций изменения структуры российских семей. Анализ интервью с многодетными семьями позволил сформулировать основные направления помощи многодетным семьям, а также систематизировать социальные практики членов многодетных семей, направленные на сохранение и развитие благополучия семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: многодетная семья, рождаемость, семейная политика, структура семей, социологическое исследование семьи

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н. Многодетная семья в современном российском обществе: демографический аспект // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 3. С. 9-23. EDN JZPLJE. DOI 10.22394/2304-3369-2024-3-9-23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

© Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, Е. Н. Васильева, 2024

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

логического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *заместитель директора по научной работе*; rostovskaya.tamara@mail.ru. SPIN-код: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Кучмаева Оксана Викторовна – доктор экономических наук, профессор; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; kuchmaeva@yandex.ru. SPIN-код: 1948-0872, ORCID: 0000-0003-0386-857X, ScopusID: 35183367300, ResearcherID: L-9513-2015.

Васильева Екатерина Николаевна – доктор социологических наук, доцент; Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1) — *главный научный сотрудник*; vasilevaen@volsu.ru. SPIN-код: 8682-4325, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013.

Статья поступила 11.01.2024; рецензия получена 14.03.2024; принята к публикации 24.04.2024.

LARGE FAMILY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY: DEMOGRAPHIC ASPECT

T. K. Rostovskaya^a, O. V. Kuchmaeva^a, E. N. Vasileva^a

^a Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ABSTRACT:

Introduction. Scientific discussions on the implementation of the second demographic transition have not been completed, it is possible to identify specific features of changes in the structure of families in different countries or different social groups (for example, religious ones), but it is premature to talk about the universality of this process. In modern Russia, the social structure of families and households has changed, however, in order to capture the essence of the changes and identify the factors that have had an impact; it is necessary to constantly monitor the situation. The answers to the following questions are of scientific interest: how the structure of families in Russia has changed; what motivation is the basis for reproducing the structure of large families in different periods of demographic transition? The article presents an analysis of empirical data that allows us to identify trends in the transformation of the structure of the Russian family; to characterize the motives of reproductive behavior in large families, to determine what conditions and resources are required in large families to form or maintain well-being.

Materials and methods. The information base was the data of the All-Russian population censuses for 2002, 2010 and 2020; the results of the author's research were an in-depth interview with parents from a large family in the course of the All-Russian sociological study 'Demographic well-being of the regions of Russia', 2021.

Results. The changes in the structure of Russian families towards the increasing share of large families under the influence of demographic policy measures have been revealed, the consolidation of this trend requires the implementation of targeted measures to support the institution of a large family, which, in the authors' opinion, should correspond to the ideal model of a 'prosperous family'.

Discussion. It is important to develop a demographic policy strategy taking into account trends in the structure of Russian families. The analysis of interviews with large families provided for the formulation of the main directions of assistance to large families, as well as to systematize social practices of members of large families aimed at preserving and developing the family well-being.

KEYWORDS: large family, fertility, family policy, family structure, sociological study of the family

FOR CITATION: Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., & Vasileva, E. N. (2024). Large family in the modern Russian society: demographic aspect. *Management Issues*, 18(3), 9–23. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-3-9-23>

AUTHORS' INFORMATION:

Tamara K. Rostovskaya – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *deputy director for research*; rostovskaya.tamara@mail.ru. RSCI SPIN: 1129-8400, ORCID: 0000-0002-1629-7780, ScopusID: 57192987864, ResearcherID: F-5579-2018.

Oksana V. Kuchmaeva – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; kuchmaeva@yandex.ru. RSCI SPIN: 1948-0872, ORCID: 0000-0003-0386-857X, ScopusID: 35183367300, ResearcherID: L-9513-2015.

Ekaterina N. Vasileva – Advanced Doctor in Sociological Sciences, Associate Professor; Institute for Demographic Research Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (6/1, Fotieva St., Moscow, 119333, Russia) — *chief researcher*; vasilevaen@volsu.ru. RSCI SPIN: 8682-4325, ORCID: 0000-0002-0460-5539, ScopusID: 55611633800, ResearcherID: K-6216-2013.

The article was submitted 01/11/2024; reviewed 03/14/2024; accepted for publication 04/24/2024.

■ ВВЕДЕНИЕ

На протяжении долгого времени единственным правовым актом федерального уровня, определяющим направления и меры поддержки многодетных семей в России, выступал Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей». На федеральном уровне отсутствовала единая трактовка понятия «многодетной семьи», что привело к значительным различиям в региональном законодательстве в данном контексте, в частности, в нем не содержалось однозначной трактовки понятия «многодетная семья». Лишь в Указе Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», принятом после длительной совместной работы государственных органов управления и общественных организаций, прежде всего объединяющих сами многодетные семьи, было закреплено определение многодетной семьи. Принятие данного документа выступает важным элементом социально-демографической политики. Установление статуса многодетной семьи бессрочно (независимо от возраста детей) повышает престиж многодетной семьи и обеспечивает социальные гарантии. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 фев-

раля 2024 года большое внимание было уделено роли многодетных семей в современной России: «Большая многодетная семья должна стать нормой, философией жизни общества, ориентиром всей государственной стратегии»; «среди многодетных семей, по оценкам, которые дают эксперты, уровень бедности составляет около 30 процентов... То есть мы должны сделать особый акцент на снижении бедности, прежде всего для многодетных семей»¹.

Таким образом, поддержка благополучия многодетных семей объявлена Президентом России как национальная цель. Следует подчеркнуть, что модель благополучной семьи была разработана в 2007 году в соответствии с утвержденной Концепцией государственной поддержки молодой семьи в России и включает параметры благополучия, выделенные научным коллективом под руководством профессора Т. К. Ростовской [1]. Совокупность параметров включает демографические, ценностные, социально-экономические и социально-психологические.

Для того, чтобы многодетные семьи соответствовали параметрам благополучия, необходима

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 29 февраля. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения 10.03.2024)

комплексная социально-демографическая политика. Актуальность формирования и реализации комплексной социально-демографической политики высока, в связи с этим важно понять, в каких типах домохозяйства воспитываются дети, как зависит от региона проживания структура семьи, какие социально-демографические тенденции определяют нынешнюю ситуацию. Ответы на поставленные вопросы позволят принимать обоснованные управленческие решения.

Цель и задачи исследования – выявить основные тренды изменения структуры российских семей по числу детей; определить ресурсы, необходимые многодетным семьям для формирования благополучия.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Информационной базой для анализа ситуации и формирования выводов, положенных в основу статьи, выступили материалы всероссийских переписей населения 2002 г.², 2010 г.³ и 2020⁴ г., включая региональный разрез; результаты этапа 2021 года Всероссийского социологического исследования, проведенного авторами глубинного интервью с родителями из многодетных семей – в ходе проекта РНФ № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России» ($n = 22$, интервью проводились в 10 регионах страны: г. Москва, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Вологодская область, Волгоградская область, Ивановская область, Московская область, Нижегородская область, Свердловская область, Ставропольский край). Выборка целенаправленная, семьи отбирались по следующим критериям, включенным в автор-

² Всероссийская перепись 2002 г. Том 6. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Частные домохозяйства, домохозяйства бездомных и группировка их по размеру по субъектам Российской Федерации», «Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет» <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 09.10.2023).

³ Всероссийская перепись населения 2010 г. Том 6. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет» https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 09.10.2023).

⁴ Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации» https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozajstv (дата обращения: 09.10.2023).

ское понятие благополучия: зарегистрированный брак, число детей, уровень доходов семьи, соответствующий модальным значениям по региону проживания, благоприятный социально-психологический климат внутрисемейной коммуникации.

■ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Демографическая структура семьи, понимаемая как сочетание признаков числа и характера родства членов семьи, их пола, возраста и брачного состояния, формируется «...под воздействием таких демографических событий, как рождение и смерть членов семьи, браки и разводы, присоединение и выделение из семьи отдельных ее членов или самостоятельных семей»⁵. Структура семьи выступает значимым индикатором результатов ее трансформации.

Изменения современной структуры семьи (переход от многопоколенной семьи к нуклеарной, распространение брачных сожительства, переход к малодетной семье и т. д.) объясняются с конца XX века теорией второго демографического перехода⁶. Проводятся обширные экспертные оценки движущих сил и последствий демографических изменений в современном мире [2]. В то же время теория второго демографического перехода не является универсальной моделью объяснения современных процессов изменения структуры семей, об этом говорит в своих работах М. И. Антонов [3], а И. И. Елисеева, М. А. Клупт выделяют западноевропейскую и восточноазиатскую модели трансформации семьи [4]. Распространение одних типов изменений структуры семьи (малодетные семьи, например) соответствует положениям теории второго демографического перехода, тогда как другие изменения тормозятся, что способствует сохранению традиционных семейных ценностей. Структура семей, как и структура рождений по очередности, значительно различается по странам мира [5], являясь результатом воздействия экономических, социальных, демографических и культурологических факторов.

Исследования говорят о том, что семья является одним из старейших социальных институтов, в семье реализуются функции, выполнение

⁵ Герасимова И. А. Структура семьи. М. : Изд-во Статистика, 1976. 167 с.

⁶ Van de Kaa, D. J. (1987). Europe's second demographic transition. *Population Bulletin*, 42(1), 1–59. PMID: 12268395. <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12268395>

которых другие институты обеспечить не могут [6], прежде всего – репродуктивная и социализационная. Вместе с тем ряд исследователей не считают сожителем эквивалентом зарегистрированному браку. В частности, для них характерна большая доля бездетных союзов, что свидетельствует о невыполнении важнейшей функции семей, основанной на незарегистрированном браке, – репродуктивной [7].

Многодетные семьи в большей степени подвержены риску бедности [8]. Однако, наряду с этим, структура семьи серьезно влияет на благополучие детей [9, 10], например, в многопоколенной семье у родителей есть дополнительные ресурсы для облегчения заботы о детях [11], что определяет тенденции многодетности и многопоколенности [6], позволяет выделить параметры благополучия семей [1].

Дж. М. Уайт и Д.М. Кляйн выделили следующие критерии, которые позволяют понять специфику и историчность семьи как социального института, а также значимость семьи для отдельного человека⁷: родители (а также братья или сестры) играют значительную роль в жизни человека на протяжении всего периода взросления и не только; семьи состоят из поколений, между которыми существует тесная связь – дети, родители и прауродители; внутренние связи между членами семьи закреплены юридически, обусловлены биологически, существуют фактически.

Большой вклад в исследование изменения структуры современных семей внесли Г. Беккер и Н. Томас⁸, а также У. Огборн и М. Нимкофф⁹. Имеются подтвержденные данные о том, что дети из многодетных семей могут получать меньше ресурсов для развития человеческого капитала, чем дети из малодетных семей [12].

В демографии и социологии продолжают исследования структуры современных семей, наблюдается несколько тенденций: структура семей меняется, в основе этого процесса лежит трансформация ценностной матрицы [13] под воздействием совокупности факторов, опреде-

ляющих развитие социума, малодетность воспроизводится на основе рациональных доводов в пользу сохранения или увеличения доходов семьи [14]; традиционная модель семьи сохраняется и воспроизводится под влиянием традиций и религиозных ценностей [15]. Результаты мониторингового исследования «Поколение и гендер», проводимого в европейских странах, показали, что снижение альтернативных издержек семьи и общественное мнение положительно влияют на принятие решения о рождении третьего ребенка [13].

Исследования расширяются за счет анализа различных факторов, влияющих на трансформацию семейной структуры, в том числе и структуры семей по числу детей. В частности, рассматривается влияние образовательных траекторий акторов – родителей в семьях с разным числом детей на образовательные успехи детей [16, 17]. В данном контексте образовательные успехи выступают критерием успешности воспитательной стратегии семей.

Отдельным направлением выступает проблема адресности и результативности мер семейно-демографической политики [18], в том числе в интересах многодетных семей. Стратегия мер поддержки семей с детьми различается в странах в зависимости от типологии семей и модели социальной политики. При этом важно отметить, что поддержка именно многодетных семей как отдельной категории, нуждающейся в поддержке, осуществляется далеко не во всех странах [19].

Теоретические выводы и эмпирические данные позволяют предположить, что необходимы мониторинг и полноценный анализ структуры российских семей [20, 21] для того, чтобы сделать выводы о распространенности современных практик семейной жизни и ее последствиях для демографического будущего.

Методологической основой данного исследования является институциональный подход, так как, с одной стороны, семья рассматривается как социальный институт, с другой стороны, важно рассмотреть, как государство формирует и реализует семейно-демографическую политику, направленную на сохранение традиционных семейных ценностей и воспроизводство основных функций семьи как социального института. В то же время мы рассматриваем, как реализуются повседневные практики российских многодетных семей, осуществляется ли практика

⁷ White, J. M., & Klein, D. M. (2008). *Family theories* (3rd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. <https://books.google.fm/books?id=LХерvNAosc8C&printsec=frontcover#v=onepage&q&f=false>

⁸ Becker, G. S., & Tomes, N. (1986). Human Capital and the Rise and Fall of Families. *Journal of Labor Economics*, Part 2: *The Family and the Distribution of Economic Rewards*, 4(3), S1-S39. <https://www.jstor.org/stable/2534952>

⁹ Ogburn, W. F., & Nimkoff, M. F. (1955). *Technology and changing family*. Cambridge, Mass.: Riverside Press. https://www.chairefernanddumont.ucs.inrs.ca/wp-content/uploads/2013/09/GodinB_2010_Innovation_Without_the_Word.pdf

поиска справедливости¹⁰, что понимают российские семьи под «счастьем» и «благополучием», как они решают возникающие проблемы в разных сферах жизни и какие ресурсы семьям необходимы для того, чтобы обеспечить благополучие и счастья своей семье.

На первом этапе исследования мы рассмотрели, как менялась структура российских семей, учитывая, что средний размер, структура домохозяйств, доля домохозяйств с детьми значительно различаются не только в разных странах мира, но и в разрезе регионов одной страны – России.

На втором этапе работы представлены результаты анализа глубинных интервью, что дало возможность определить стратегии повседневного взаимодействия в многодетных семьях и сформулировать выводы о воздействии семейной политики на репродуктивные установки семей и их реализацию, определить ее перспективы.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

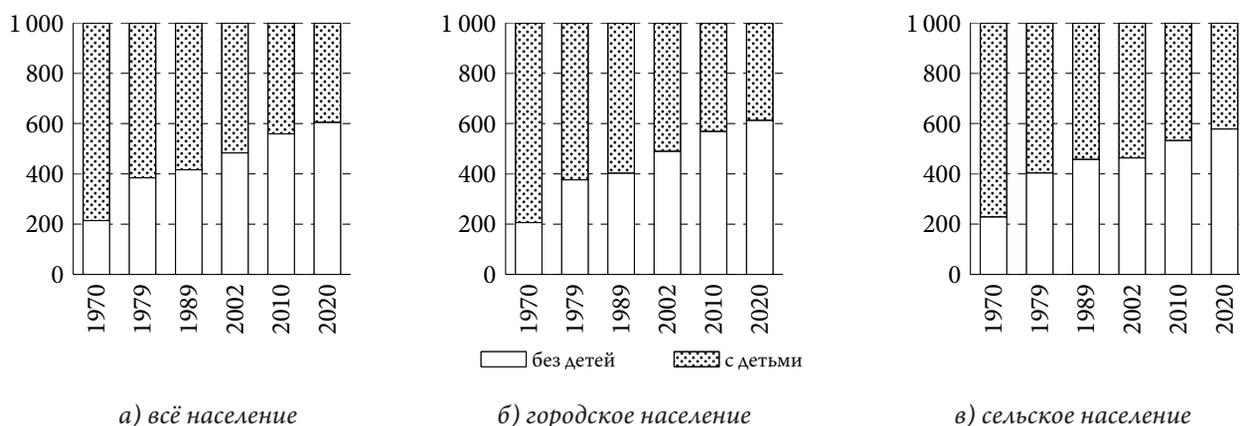
Тенденции детности российских семей

Анализ данных переписей населения, проведенных в России в период после 2002 г., свидетельствует о результативности мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости, в частности, так называемой программы «Материнский капитал», реализуемой с 2007 г., что выражается в росте числа детей в рос-

¹⁰ Болгански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии городов / Пер. с фр. О. В. Ковеневой, науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с. ISBN 978-5-4448-0079-9.

сийских домохозяйствах и росте числа домохозяйств с тремя и более детьми среди всех домохозяйств с детьми (см. рис. 1 и 2). Перепись 2010 г. показала незначительное увеличение доли многодетных семей по сравнению с 2002 г. – 0,4 процентных пункта (п.п.), коснувшееся прежде всего городских семей (прирост 0,6 п.п.). К 2020 г. произошли более значительные изменения. Доля многодетных семей выросла на 4,7 п.п.

Вместе с тем стоит отметить, что в распределении семей по числу детей наблюдаются противоречивые тенденции, являющиеся отражением мозаичности моделей брачного и репродуктивного поведения россиян. С одной стороны, на протяжении многих лет наблюдается увеличение доли семей, не имеющих детей в возрасте до 18 лет, что является отражением тренда на малодетность и частичный отказ от рождения детей вообще. При наличии одного или двух детей в семье период взросления детей до 18 лет проходит сравнительно быстро и семья формально, в соответствии с методикой проведения переписей, относится к семьям без детей. С 2002 г. к 2020 г. доля бездетных семей увеличилась на 12 п.п. (с 48,3% до 60,4%). С другой стороны, данные последних лет свидетельствуют об увеличении доли семей с несколькими детьми, в том числе многодетных (с тремя и более детьми) среди тех семей, где есть дети в возрасте до 18 лет (с 6,6% в 2002 г. до 11,7% в 2020 г.). Это выступает подтверждением эффекта мер семейно-демографической политики, направленной на рост рождаемости. Однако,

Источник: Всероссийская перепись населения 2002, Всероссийская перепись населения 2010, Всероссийская перепись населения 2020 / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul.

Рис. 1. Домохозяйства, состоящие из двух и более человек, имеющие и не имеющие детей моложе 18 лет в 2002, 2010 и 2020 гг. (на 1000 семей)

Fig. 1. Households consisting of two or more people, with and without children under 18 years of age in 2002, 2010 and 2020 (per 1000 families)

если политика в интересах семьи не будет подкреплена новыми масштабными мерами, увеличение доли семей с тремя детьми среди детских семей прекратится и может обернуться вспять, как уже наблюдалось после исчерпания эффекта мер семейно-демографической политики 1981–1983 гг., что отразилось в результатах переписей 1989–2002 гг. Если данные переписи 1989 г. показали увеличение доли многодетных семей на 0,6 п.п. (и опять же эффект мер сильнее проявился для городского населения), то к 2002 г. произошло сокращение на 3,2 п.п.

Для российских регионов характерна значительная дифференциация доли многодетных семей (табл. 1). Наиболее значительная доля (более 13,3% от числа семей, имеющих детей) в 21 регионе, большая часть которых – национальные автономии, с населением, на репродуктивном поведении которого в значительной степени сказываются традиции многодетности.

Максимальный уровень многодетности наблюдается в Республике Тыва (31,7%), Республике Дагестан (34,6%), Чеченской Республике (50,6%), Республике Ингушетия (52,5%). Группа регионов с более значительной долей многодетных семей – это прежде всего национальные республики, для населения которых пока в значительной степени характерны традиции многодетности. Однако на большей части территории страны количество семей с тремя и более детьми невелико, уровень многодетности (доля многодетных семей) не больше 10,1%. Самая низкая доля семей с тремя и более детьми (до 8,8%) наблюдается преимущественно в европейской части страны, регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов.

Показатель среднего числа детей в семьях с детьми также свидетельствует о невысоком уровне детности семей в России (табл. 1). Показатель в среднем по России составил 1,6 ребенка на одну семью с детьми в возрасте до 18 лет. В большей части российских регионов показатель не превышает 1,7 ребенка. Лишь в 6 республиках уровень детности семей выше, чем 2 ребенка (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская и Республики Тыва, Дагестан и Ингушетия).

Ситуация с детностью семей в регионах России в значительной степени определяется распространенностью многодетных семей (табл. 1). Для регионов, где наблюдается более высокий уровень многодетности, характерна и более значительная детность семей в среднем, и меньшая доля бездетных семей.

Многодетность по-разному распространена среди различных типов семей. Отметим, что для всех типов семей более высокий уровень многодетности характерен в сельской местности (таблица 2). Данные переписей показывают, что детность семей разных типов различается. Наиболее значительные показатели детности характерны для многопоколенных семей – состоящих из нескольких супружеских пар. Для этих типов семей характерна более высокая доля семей с детьми до 18 лет, а также семей с тремя и более детьми. Так, например среди семей, в состав которых входят две супружеские пары (родители и прародители), доля многодетных семей составляет 17,2%, среднее число детей на одну семью с детьми – 1,78 ребенка. При наличии других родственников в такой семье доля многодетных возрастает до 32,7%, показатель детности семьи – до 2,23 ребенка.

Рис. 2. Структура российских семей с детьми по числу детей (на 1000 семей), данные переписей населения
Fig. 2. Structure of Russian families with children by number of children (per 1000 families), population census data

Таблица 1 — Характеристики детности семей по регионам России по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.**Table 1** — Characteristics of children in families by region of Russia according to the 2020 All-Russian Population Census

Регион	Доля многодетн. семей	Доля семей с детьми	Ср. число детей	Регион	Доля многодетн. семей	Доля семей с детьми	Ср. число детей
Белгородская область	8,2	37,2	1,5	Чеченская Республика	50,6	68,9	2,8
Брянская область	8,7	38,0	1,5	Ставропольский край	13,5	41,2	1,7
Владимирская область	7,8	37,3	1,5	Республика Башкортостан	12,5	42,2	1,7
Воронежская область	8,3	36,7	1,5	Республика Марий Эл	12,0	42,5	1,6
Ивановская область	7,5	37,9	1,5	Республика Мордовия	7,8	38,5	1,5
Калужская область	10,4	40,4	1,6	Удмуртская Республика	11,4	39,5	1,6
Костромская область	9,2	39,5	1,6	Чувашская Республика	12,2	42,2	1,7
Курская область	8,8	36,4	1,5	Пермский край	11,0	42,7	1,6
Липецкая область	10,7	37,0	1,6	Кировская область	9,5	37,8	1,6
Московская область	8,6	36,7	1,5	Нижегородская область	7,7	36,8	1,5
Орловская область	8,5	38,1	1,5	Оренбургская область	12,0	42,6	1,6
Рязанская область	9,5	33,4	1,5	Пензенская область	7,8	37,8	1,5
Смоленская область	7,3	35,8	1,5	Самарская область	7,4	37,6	1,5
Тамбовская область	9,1	34,7	1,5	Саратовская область	8,2	36,7	1,5
Тверская область	9,6	33,6	1,5	Ульяновская область	9,0	37,6	1,5
Тульская область	8,2	36,3	1,5	Курганская область	12,8	38,6	1,7
Ярославская область	7,9	39,3	1,5	Свердловская область	9,0	41,8	1,5
г. Москва	9,0	31,2	1,5	Ханты-Мансийский АО – Югра	13,7	46,1	1,7
Республика Карелия	9,1	38,2	1,5	Ямало-Ненецкий АО	14,9	50,4	1,7
Республика Коми	10,4	38,2	1,6	Тюменская область без АО	13,2	46,8	1,7
Ненецкий автономный округ	17,4	46,7	1,7	Челябинская область	9,1	38,8	1,6
Архангельская обл. без АО	9,2	41,3	1,5	Республика Алтай	21,5	53,0	1,9
Вологодская область	9,7	41,3	1,6	Республика Тыва	31,7	63,7	2,1
Калининградская область	8,8	40,8	1,5	Республика Хакасия	13,6	42,4	1,7
Ленинградская область	8,2	37,1	1,5	Алтайский край	11,4	39,8	1,6
Мурманская область	7,5	42,4	1,5	Красноярский край	10,5	41,5	1,6
Новгородская область	9,9	35,6	1,6	Иркутская область	12,6	42,8	1,6
Псковская область	9,7	37,2	1,5	Кемеровская область – Кузбасс	11,1	40,7	1,6
г. Санкт-Петербург	7,6	36,1	1,5	Новосибирская область	10,3	37,4	1,6
Республика Адыгея	15,8	44,3	1,7	Омская область	12,1	40,0	1,6
Республика Калмыкия	22,5	47,9	1,9	Томская область	10,7	39,3	1,6
Республика Крым	13,7	41,9	1,7	Республика Бурятия	18,7	49,9	1,8
Краснодарский край	9,5	40,4	1,5	Республика Саха (Якутия)	21,1	48,7	1,8
Астраханская область	14,6	44,6	1,7	Забайкальский край	14,4	45,3	1,7
Волгоградская область	7,3	32,5	1,5	Камчатский край	9,2	46,0	1,5
Ростовская область	9,7	38,1	1,6	Приморский край	8,2	34,3	1,5
г. Севастополь	9,4	36,3	1,5	Хабаровский край	10,4	40,7	1,5
Республика Дагестан	34,6	61,9	2,2	Амурская область	10,4	45,2	1,6
Республика Ингушетия	52,5	59,0	2,8	Магаданская область	7,0	44,3	1,4
Кабардино-Балкарская Респ.	29,8	49,9	2,1	Сахалинская область	9,2	41,0	1,5
Карачаево-Черкесская Респ.	29,7	48,9	2,1	Еврейская автономная обл.	11,9	44,5	1,6
Респ. Сев. Осетия – Алания	23,2	42,4	1,9	Чукотский АО	13,4	54,1	1,6

При наличии трех брачных пар в семье характеристики увеличиваются до 61,4% и 3,44 ребенка соответственно.

Наиболее часто семьи с тремя и более детьми встречаются среди многопоколенных семей,

состоящих из нескольких брачных пар, что свидетельствует о том, что многодетность и совместное проживание нескольких поколений в семье выступают маркерами традиционного подхода к организации семейной жизни. Однако доля

Таблица 2 — Характеристики детности различных типов домохозяйств в России по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., %**Table 2** — Characteristics of the number of children of various types of households in Russia according to the All-Russian Population Census 2020, %

Типы домохозяйств	Население		
	всё	городское	сельское
<i>Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары с детьми и без детей</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	41,6	42,3	39,8
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	13,2	10,6	19,2
среднее число детей, чел.	1,69	1,62	1,88
<i>Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары с детьми и без детей и одного из родителей супругов</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	54,6	53,2	57,9
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	14,0	10,5	21,4
среднее число детей, чел.	1,69	1,60	1,89
<i>Домохозяйства, состоящие из супружеской пары с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	71,6	66,4	80,1
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	17,2	12,3	24,0
среднее число детей, чел.	1,78	1,72	1,96
<i>Домохозяйства, состоящие из супружеской пары с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей, прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	72,6	62,9	82,1
с 3 и более детьми	32,7	23,2	39,9
среднее число детей, чел.	2,23	1,92	2,46
<i>Домохозяйства, состоящие из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	80,2	69,8	89,7
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	61,4	47,4	71,5
среднее число детей, чел.	3,44	2,79	3,91
<i>Домохозяйства, состоящие из матери с детьми</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	46,0	46,4	44,9
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	8,1	6,2	15,2
среднее число детей, чел.	1,46	1,40	1,68
<i>Домохозяйства, состоящие из отца с детьми</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	45,4	46,4	41,7
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	5,6	5,0	8,2
среднее число детей, чел.	1,35	1,34	1,43
<i>Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	71,9	70,9	75,5
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	4,7	3,9	7,7
среднее число детей, чел.	1,32	1,29	1,43
<i>Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них)</i>			
из них домохозяйства, имеющие детей моложе 18 лет	61,1	60,1	63,5
в том числе домохозяйства с 3 и более детьми	11,0	8,4	16,8
среднее число детей, чел.	1,54	1,46	1,72

Источник: Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 8. Число и состав домохозяйств. Таблицы «Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации» и «Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации». URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhajstv.

таких семей в России весьма незначительна, около 1,7%. Их показатели детности не оказывают определяющее воздействие на модель российской семьи и ее детность. Совместное проживание супружеской пары с родителями одного

из супругов характеризуется некоторым увеличением детности (что, вероятно, является следствием воспитательных возможностей таких семей), которое, однако, нельзя назвать значительным (среднее число детей составляет 1,78 ре-

бенка, доля многодетных семей – 17,2%). Большая часть российских семей нуклеарные, состоящие только из родителей с детьми. Среднее число детей в таких семьях составляет 1,69 ребенка, доля многодетных семей – 13,2%. В России увеличивается доля неполных семей, детность которых еще меньше. Доля многодетных семей среди них не превышает 11%.

Для сохранения масштабов многодетности, достигнутых благодаря мерам демографической политики, реализуемым в России с 2007 г., необходимо развитие стратегий поддержки семей с детьми. При этом важно опираться на результаты эмпирических исследований, позволяющих выявить особенности и перспективы репродуктивного поведения россиян.

Мотивация многодетности

Источниками многодетности, что было выявлено по результатам глубинного интервью, являются три ведущих мотива или стечение обстоятельств. Во-первых, социально-психологическая потребность в детях. Детско-родительские отношения являются источником особенных переживаний: маленькие дети формируют прочные связи, так как зависимы от взрослого. Во-вторых, в некоторых случаях компенсация одиночества единственных детей, а также стремление, чтобы дети не выросли эгоистами. В-третьих, стремление родить ребенка определенного пола. Стечение обстоятельств, способствующих многодетности, это: рождение двойни; совместные дети в повторном браке; отказ от аборта при случайной беременности (в этом случае мотивация сохранения здоровья или следование религиозным нормам, запрещающим прерывание беременности). В некоторых кейсах многодетность запланирована только одним из родителей, а второй родитель соглашается поддержать или вынужден поддержать стремление супруга (супруги) в целях сохранения благоприятного социально-психологического климата.

Учитывая тот факт, что абсолютное большинство информантов – сами дети из малодетных семей, возникает гипотеза в рамках экономики поколений о необходимости консолидации ресурсов самой семьи и родительской семьи для реализации модели многодетности. Это обоснованное предположение, так как можно рассматривать его в рамках теории социального капитала [22], которая позволяет не только фор-

мировать объяснительные модели инкорпорирования социального капитала в реальные экономические выгоды, но и объясняет экономию временных ресурсов родителей, затрачиваемых на уход за детьми, за счет поддержки близкого окружения. В некоторых семьях воспроизводился опыт прародительских семей – многодетность через поколение.

Информанты воспроизводили модель ответственного родительства. В воспитании детей члены многодетных семей используют рациональный подход, ориентированы на воспитание и социализацию детей таким образом, чтобы развивать их таланты и удовлетворять потребности в признании, и именно этот мир – мир образования и развития детей – родители воспринимают как несправедливый:

Вот смотрите, сейчас у меня дети учатся по одной программе в школе. Если ты хочешь, чтобы у ребенка была более такая хорошая подготовка, например к ВПР, мы попросили учителя перейти на другую программу, а это платная услуга. Она стоит 1000 с чем-то за двоих детей. Также у меня дети в школу английского языка ходят, это тоже деньги, за двоих 5000 с чем-то (Жен., 43, Республика Башкортостан, 3 детей).

Он будет уже раскрываться (примечания: отец о ребенке), и его будут видеть и тренеры, и дальше в будущем. А сейчас я их вожу: мне самому хоккей нравится – он доступный для меня, через дорогу секция. Мне его (ребенка) удобней водить, а он, может, не хочет, а тебе не решается сказать. Он, бывает, ленится. Я говорю: нет, надо, я заплатил за тебя месяц – надо отходить. Мне кажется, так неправильно. Если ребенок выбрал секцию: походил – не понравилось – пошел в другую секцию. Эта доступность услуг для детей должна быть. На сегодняшний день этого нет, потому что всё зависит от финансовой части. Если родитель смог заплатить, то ребенок ходит. А если нет, а ребенок хочет туда ходить? Это неправильно. Раньше это было, а сейчас почему-то этого не стало. Может, оно вернется. Я вот хочу, чтобы социальная политика в этом плане тоже менялась (Муж., 40, Свердловская область, 3 детей).

Старший ребенок у нас сейчас будет учиться в православной гимназии, а это на Ильинке (Прим.: около 30 минут на машине от места жительства респондента). И в то же время есть кружки, даже вот сейчас музыкальная школа в одном

месте, в другом, т.е. вот это как-то все соединить (Жен., 34, Нижегородская область, 3 детей).

Ну материальная всегда нужна <...> он ходил и на рисование, и на моделирование, и на ушу (Муж., 50, Нижегородская область, 5 детей).

Материальных средств, помощи в сопровождении детей, инфраструктуры не хватает многодетным родителям. Обобщая высказывания, озвученные информантами в ходе глубинного интервью, можно сказать, что внешний мир остается не совсем удобным для реализации стратегии многодетности. В то же время внутри семьи выстраивается справедливость, сделать выводы об этом можно, опираясь на то, как члены многодетных семей трактуют понятие «благополучная счастливая семья». В интервью были указания на то, что необходимы материальные ресурсы для удовлетворения потребностей семьи разного уровня, а также качественные характеристики благополучия:

Ну, конечно, это полная семья <...>, счастливая семья для ребенка, где мама счастливая и спокойная, <...>, ребенок должен жить в здоровом климате, в семье должен быть здоровый климат, где папа и мама в гармонии (Жен., 37, Ставропольский край, 7 детей).

Это обязательно, где родители любят друг друга, заботятся друг о друге, внимательны друг к другу, где они хотят рождения своих детей (Жен., 42, Вологодская область, 4 детей).

Рост благополучных многодетных семей может стать основой увеличения числа многодетных семей, такое исследование проводилось в Норвегии, где сопоставлялись данные о проживании и деторождении (2000–2018 гг.) на основе информации, внесенной в административные реестры [23]. Выявлено, что социальные сети соседей могут способствовать рождению еще одного ребенка. В то же время, чем больше многодетных семей будут нуждаться в поддержке, тем меньше вероятность, что практики многодетности будут воспроизводиться. Многодетные благополучные семьи ориентированы на самообеспечение, поэтому поддержка многодетных семей с детьми, осуществляемая на региональном и федеральном уровнях, информантами одобряется, но сдержанно. Трудности семей связаны с нехваткой материальных ресурсов, временных ресурсов и необходимости получения компетенций, необходимых для семейной жизни.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Структура семей меняется, но только семья как социальный институт в состоянии обеспечить воспроизводство и социализацию новых поколений.

Демографическая волна в ближайшие годы будет негативно влиять на численность репродуктивных когорт, сохраняя значимость мониторинга изменения социальной структуры российских домохозяйств. Статистические данные показывают, что в ближайшее десятилетие численность женщин детородного возраста в РФ будет неуклонно снижаться. В этом отношении должны быть приняты меры, учитывающие два обстоятельства. Во-первых, в возрастной структуре женщин репродуктивного возраста в настоящее время и в ближайшем будущем будут преобладать женщины 30–39 лет. В этом возрасте у женщин чаще всего уже есть один или два ребенка, но они еще не вышли из репродуктивного возраста, поэтому, при реализации грамотных мер социальной поддержки, учитывающий интересы семей с детьми, есть потенциал для увеличения числа детей, рожденных женщинами 30–39 лет. Во-вторых, численность женщин в возрасте 20–29 лет планомерно сокращается.

Однако на федеральном уровне нет программ, обеспечивающих поддержку молодежи, решившейся на рождение детей в студенчестве, что актуально, так как женщины в возрасте 18–24 года в основном являются студентами, в некоторых случаях членами молодых семей. Раннее рождение первого ребенка увеличивает вероятность рождения женщиной второго и последующих детей, так как именно отложенное родительство стало основной причиной сокращения суммарного коэффициента рождаемости.

Социальные потрясения 2020–2022 гг. требуют глубокого осмысления с точки зрения реакции общества и поиска новых возможностей преодоления депопуляции, обеспечения демографического благополучия страны. Очевидно, что без увеличения рождаемости хотя бы до уровня простого воспроизводства населения невозможен устойчивый выход из депопуляции при любом, даже самом низком достижимом на сегодня уровне смертности. Снижение числа детей в домохозяйствах и семейных ячейках является поводом для разработки и внедрения управленческих решений, направленных на поддержку многодетных семей.

Комплексная поддержка российской семьи может стать залогом дальнейшего увеличения числа многодетных семей в России. При этом важно учитывать потребности многодетной семьи. Данные, полученные методом интервью с многодетными семьями, позволили сформулировать основные направления помощи многодетным семьям:

- обеспечение доступности дополнительного образования для детей, повышение качества подготовки в школах для успешного поступления в вузы;
- качественное медицинское обслуживание для многодетных семей, возможно, необходимо ввести расширенную страховку для членов многодетных семей;
- расширение мер, способствующих решению жилищных проблем семей;
- обеспечение экономического благополучия и экономической самостоятельности многодетных семей, формирование условий для самореализации родителей в многодетных семьях в социальной и экономической сферах;
- помощь в организации семейного досуга, развитие рекреационных услуг, создание системы сопровождения детей младшего и среднего школьного возраста;
- оптимизация поддержки семьи в кризисной ситуации (потеря работы и т. д.).

Консолидированное участие в решении проблем демографического развития России может опираться не только на меры государственной и региональной семейно-демографической политики, но и на корпоративные политики, включающие поощрение семейного взаимодействия (отдых, профессиональные династии и т. д.), информирование об успешных практиках многодетности среди сотрудников. Включение в данный процесс российских организаций, предоставляющих рабочие места родителям и потенциальным родителям, способных повлиять на решение государственных демографических задач, позволит сформировать комплексный многоуровневый подход к совершенствованию государственной демографической политики. Поддержка и пропаганда на уровне российских организаций семейного образа жизни, детности (многодетности), родительства является дополнительным стимулированием формирования общественного мнения и образа благополучных многодетных семей.

В настоящее время необходимо проводить системную работу по формированию и поддержке института многодетной семьи как ресурса социально-экономического и демографического развития. Однако увеличение рождаемости только при использовании экономических стимулов (что предусматривает современная социально-демографическая политика) ограничено сложившейся потребностью в детях, современные уровни которой недостаточны для выхода из режима сокращения населения. Между тем, разработка эффективных мер повышения потребности в детях возможна лишь при принципиальном пересмотре мировоззренческих установок населения, коррекции сложившейся у молодых поколений системы ценностей, повышения престижа семьи и семейного образа жизни и т. д. Необходимо совершенствовать механизмы в части обеспечения жильем многодетных семей, поддержать льготную ипотеку для членов молодых и студенческих семей как основы формирования стратегий многодетности. Возможно развитие программ строительства социального жилья для его предоставления членам молодых и студенческих семей в льготную аренду, пока семье отказывают в ипотечном кредите в связи с недостаточными доходами для приобретения первого жилья или расширения площади жилья в связи с рождением второго или последующих детей, что позволит расширить сегмент многокомнатных квартир для проживания многодетных и многопоколенных семей.

Для решения проблем жизнедеятельности многодетной семьи, формирования культуры осознанного, ответственного родительства и отцовства необходимо активизировать роль многопоколенной семьи (родителей, прадедушек), в развитии института благополучной детской (многодетной) молодой семьи. Особую значимость это приобретает в условиях старения населения, сопровождающегося трансформацией возрастной пирамиды, в которой доля пожилых сравнивается или даже превышает долю детей, что непосредственно влияет на состав российских домохозяйств и семейных ячеек. Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, характерное для России и большинства развитых стран мира, стало не только одним из ключевых трендов последних десятилетий, но и важнейшим драйвером перемен во всех сферах современного общества.

Необходимо разработать целостный концептуальный подход, учитывающий комплексную детерминацию репродуктивного поведения членов благополучной многодетной российской семьи. Важно активно разрабатывать меры социальной поддержки многодетной семьи, с целью того, чтобы практики многодетных не были практиками «выживания», а могли быть охарактери-

зованы как практики воспроизводства благополучия. Благополучие является идеальной моделью и интегративным показателем уровня и качества жизни российских семей, доступности здравоохранения, социально-экономического развития регионов и эффективности семейно-демографической политики, реализующей меры на национальном, региональном и местном уровнях. ●

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. РОСТОВСКАЯ Т. К., КУЧМАЕВА О. В., ЗОЛОТАРЕВА О. А. Оценка социального благополучия семей в российских регионах: социологический анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21, № 4 (4). С. 805–824. DOI 10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824. EDN GCVGXE.
2. ICARDI, R., GAILEY, N., GOUJON, A., NATALE, F., & UEFFING, P. (2023). *Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2760/139588>.
3. АНТОНОВ А. И. Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2010. № 4. С. 134–150. EDN NCQBHZ.
4. ЕЛИСЕЕВА И. И., КЛУПТ М. А. Трансформация семьи в России и Китае: сравнительный анализ // *Вопросы статистики*. 2016. № 8. С. 53–65. EDN WKOFFN.
5. КАЛАБИХИНА И. Е., КУЗНЕЦОВА П. О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 2. С. 57–81. DOI 10.14515/monitoring.2023.2.2362. EDN TROTMF.
6. РОСТОВСКАЯ Т. К., КУЧМАЕВА О. В., ВАСИЛЬЕВА Е. Н. Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2023. Т. 3, № 4. С. 59–77. DOI 10.19181/demis.2023.3.4.4. EDN PNNQUG.
7. СИНЕЛЬНИКОВ А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113. DOI 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. EDN YTPUEV.
8. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popreson.3.e35376>.
9. ГУРКО Т. А. Благополучие детей в различных семейных структурах: обзор результатов зарубежных исследований // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2021. № 1 (61). С. 45–53. DOI 10.52452/18115942_2021_1_45. EDN ZLKZEF.
10. ГУРКО Т. А. Динамика показателей развития и благополучия подростков в различных типах семей // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 107–116. DOI 10.31857/S013216250021397-9. EDN YKRCIF.
11. НЕШАТАЕВ А. В., БЛЕДНОВА Н. Д., БАГИРОВА А. П. Делегирование родительских функций в отпуске по уходу за ребёнком: возможности трансформации // *Вопросы управления*. 2023. № 4 (83). С. 54–67. DOI 10.22394/2304-3369-2023-4-54-67. EDN YIRHEV.
12. DESAI, S. (1995). When are children from large families disadvantaged? Evidence from cross-national analyses. *A Journal of Demography*, 49(2), 195–210. <https://doi.org/10.1080/0032472031000148466>.
13. PANOVA, R., BUBER-ENNSER, I., & BUJARD, M. (2023). How socio-cultural factors and opportunity costs shape the transition to a third child. *Journal of Family Research*, 35, 162–180. <https://doi.org/10.20377/jfr-821>.
14. CALHOUN, C. A., & ESPENSHADE, T. J. (1988). Childbearing and Wives' Foregone Earnings. *Population Studies*, 42(1), 5–37. <https://doi.org/10.1080/0032472031000143106>.
15. LAI, Q., & THORNTON, A. (2015). The making of family values: Developmental idealism in Gansu, China. *Social Science Research*, 51, 174–188. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012>.
16. MARTIN, M. A. (2012). Family structure and the intergenerational transmission of educational

advantage. *Social Science Research*, 41(1), 33–47. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.07.005>.

17. MAXWELL, C., & YEMINI, M. (2023). Global mobility and middle class families-parenting and education. In *International Encyclopedia of Education* (4th ed., pp. 302–307). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.01070-8>.

18. BERNEDO, I. M., ALMEIDA, A., BYRNE, S., GONZÁLEZ-PASARÍN, L., PEĆNIK, N., CRUZ, O., UKA, A., SKUČIENĖ, D., & ŠUMSKAITĖ, L. (2024). The use of evidence-based programmes in family support across Europe: A comparative survey study. *Children and Youth Services Review*, 158, Article 107455. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107455>.

19. BRUCKMAYER, M., PICKEN, N., & BARBARA JANTA, B. (2020). *Developments in Child and Family Policy in the EU in 2019. European Platform for Investing in Children: third annual thematic report. October*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2767/10833>.

20. ДОВРОХЛЕВ В. Г., КОНДАКОВА Н. А. Состоя-

ние и тенденции семейного потенциала современной России: региональный аспект // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27, № 6. С. 178–190. DOI 10.15838/ptd.2023.6.128.11. EDN XPGGZW.

21. ПРОКОФЬЕВА А. М., КОРЧАГИНА И. И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // *Демографическое обозрение*. 2023. Т. 10, № 2. С. 4–17. DOI 10.17323/demreview.v10i2.17763. EDN TDYEBV.

22. LEE, J. (2019). Bonding and bridging social capital and their associations with self-evaluated community resilience: A comparative study of East Asia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(1), 31–44. <https://doi.org/10.1002/casp.2420>.

23. BERGSVIK, J., COOLS, S., & HART, R. K. (2023). Explaining Residential Clustering of Large Families. *European Journal of Population*, 39(1), Article 13. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09655-6>.

REFERENCES

1. ROSTOVSKAYA, T. K., KUCHMAEVA, O. V., & ZOLOTAREVA, O. A. (2021). Assessment of the social well-being of families in Russian regions: A sociological analysis. *RUDN Journal of Sociology*, 21(4), 805–824. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-805-824>.

2. ICARDI, R., GAILEY, N., GOUJON, A., NATALE, F., & UEFFING, P. (2023). *Global Demography Expert Survey on the Drivers and Consequences of Demographic Change*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2760/139588>.

3. ANTONOV, A. I. (2010). Current demographic trends and analytical projections, the problems of family and demographic policy in the social state. *MOscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, (4), 134–150. <https://elibrary.ru/ncqbbz>.

4. ELISEEVA, I. I., & KLUPT, M. A. (2016). Family transformation in Russia and China: Comparative analysis. *Voprosy Statistiki*, (8), 53–65. <https://elibrary.ru/wkoffn>.

5. KALABIKHINA, I. E., & KUZNETSOVA, P. O. (2023). Population heterogeneity in the number of children born: Is there a “parity transition”? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 57–81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362>.

6. ROSTOVSKAYA, T. K., KUCHMAEVA, O. V., & VASILYEVA, E. N. (2023). The institute of multi-generational family as a reserve of demographic development in Russia. *DEMIS. Demographic Research*, 3(4), 59–77. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.4>.

7. SINELNIKOV, A. B. (2018). Family and marriage: Crisis or modernization? *Sociological Journal*, 24(1), 95–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5715>.

8. ZUBAREVICH, N. V. (2019). Poverty in Russian regions in 2000-2017: Factors and dynamics. *Population and Economics*, 3(1), 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>.

9. GURKO, T. A. (2021). Children’s well-being in various family structures: A review of foreign research results. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (1), 45–53. https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_45.

10. GURKO, T. A. (2022). Dynamics of indicators of development and well-being of adolescents in various types of families. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, (10), 107–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250021397-9>.

11. NESHATAEV, A. V., BLEDNOVA, N. D., & BAGIROVA, A. P. (2023). Delegating parental responsibilities on parental leave: Opportunities for trans-

formation. *Management Issues*, (4), 54–67. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-4-54-67>.

12. DESAI, S. (1995). When are children from large families disadvantaged? Evidence from cross-national analyses. *A Journal of Demography*, 49(2), 195–210. <https://doi.org/10.1080/0032472031000148466>.

13. PANOVA, R., BUBER-ENNSER, I., & BUJARD, M. (2023). How socio-cultural factors and opportunity costs shape the transition to a third child. *Journal of Family Research*, 35, 162–180. <https://doi.org/10.20377/jfr-821>.

14. CALHOUN, C. A., & ESPENSHADE, T. J. (1988). Childbearing and Wives' Foregone Earnings. *Population Studies*, 42(1), 5–37. <https://doi.org/10.1080/0032472031000143106>.

15. LAI, Q., & THORNTON, A. (2015). The making of family values: Developmental idealism in Gansu, China. *Social Science Research*, 51, 174–188. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2014.09.012>.

16. MARTIN, M. A. (2012). Family structure and the intergenerational transmission of educational advantage. *Social Science Research*, 41(1), 33–47. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2011.07.005>.

17. MAXWELL, C., & YEMINI, M. (2023). Global mobility and middle class families-parenting and education. In *International Encyclopedia of Education* (4th ed., pp. 302–307). Elsevier. <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-818630-5.01070-8>.

18. BERNEDO, I. M., ALMEIDA, A., BYRNE, S., GONZÁLEZ-PASARÍN, L., PEČNIK, N., CRUZ, O., UKA, A.,

SKUČIENĖ, D., & ŠUMSKAITĖ, L. (2024). The use of evidence-based programmes in family support across Europe: A comparative survey study. *Children and Youth Services Review*, 158, Article 107455. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107455>.

19. BRUCKMAYER, M., PICKEN, N., & BARBARA JANTA, B. (2020). *Developments in Child and Family Policy in the EU in 2019. European Platform for Investing in Children: third annual thematic report. October*. Publications Office of the European Union. <https://doi.org/10.2767/10833>.

20. ДОБРОКХЛЕБ, В. Г., & КОНДАКОВА, Н. А. (2023). State and trends of family potential in contemporary Russia: Regional aspect. *Problems of Territory's Development*, 27(6), 178–190. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.6.128.11>.

21. ПРОКОФИЕВА, Л. М., & КОРЧАГИНА, И. И. (2023). The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses. *Demographic Review*, 10(2), 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreviewv10i2.17763>.

22. LEE, J. (2019). Bonding and bridging social capital and their associations with self-evaluated community resilience: A comparative study of East Asia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 30(1), 31–44. <https://doi.org/10.1002/casp.2420>.

23. BERGSVIK, J., COOLS, S., & HART, R. K. (2023). Explaining Residential Clustering of Large Families. *European Journal of Population*, 39(1), Article 13. <https://doi.org/10.1007/s10680-023-09655-6>.